

КНИГА ПЯТАЯ

1. Так величайшие и соперничающие между собой силой народы согласно договору отложили оружие, в течение очень длительного времени оставались спокойными и ни одна сторона ничего не замышляла против другой. В это время цанны, северное племя, которые с древних времен были подданными римлян, обитающие вокруг Трапезунда, - одни сохраняли старые договоры и не проявляли дерзости, другие же, оставив прежний образ жизни, начали жить по подобию разбойников и предпринимали вражеские набеги на местности, прилегающие к Понту, опустошали поля, нападали на путешественников и даже, совершая набеги на Армению, уносили оттуда, какую могли, добычу и вели себя не иначе, как если бы они были открытыми врагами. Против них посылается Феодор, их соотечественник, считавшийся одним из первых римских таксирхов. О нем я часто упоминал раньше. Прекрасно зная родную страну, он [понимал], куда лучше всего вторгаться, где наиболее удобно разбить лагерь и как разведать врагов. Поэтому, справедливо, по императорскому приказанию он был отправлен на это дело. Выступив из Колхидской земли с соответствующим войском и перейдя ее границы по ту сторону Фазиса на западе, он тотчас же вторгся в неприятельскую страну. Расположившись лагерем около города Феодориады и так называемого Ризея, он обнес лагерь валом, пригласив цаннов, которые были еще спокойны и дружелюбны и еще не отпали. Он одаряет их подарками, восхваляет их благоразумие и умеренность; тех же, кто, нарушив договор, нагло отпал, готовится наказать как можно скорее войной. А они без всякого промедления подходят ближе к валу и, собравшись большими силами на ближайшем возвышенном месте, метают оттуда копья и стрелы в римлян, так что все войско было приведено в замешательство их неожиданной дерзостью. Многие же вырвавшись из-за вала, с большим воодушевлением бросились против врагов, но выступали нестройно, без всякого порядка и не намеревались вызвать их на ровное место, но, проникнутые гневом, в беспорядке, прикрывая головы перевернутыми щитами, немного наклонившись пытались подняться на высокий холм. Цанны же, быстро бросая с возвышенного места копья и скатывая камни легко их отразили и, сделав вылазку, убили около 40 человек, а остальных обратили в бегство. Когда дело неожиданно для них кончилось счастливо, варвары как можно ближе подошли к лагерю и там загорелась упорнейшая битва, причем одни стремились прорваться внутрь и все разграбить, а римляне считали для себя позором, если они не только не прогонят быстро врагов, но и совершенно их не уничтожат. Тесня друг друга и снова наступая, сражаясь в рукопашную, они отнюдь не теряли бодрости, но очень долго сражались с равным успехом. Все было наполнено сильным шумом и смешанным криком, в котором нельзя было ничего различить.

2. Феодор же, таксиарх римлян, видя, что враги лишены руководства и выстроены далеко не в безопасной для них стратегической позиции, осаждают и штурмуют укрепление не с разных сторон, а с одного места, приказывает некоторым из своих оставаться на месте и сражаться с противостоящими, большую же часть своего войска посылает для нападения на врага с тыла. Те, выйдя самым скрытным образом и появившись в тылу, испустили громкий и пронзительный военный клич, так что испуганным цаннам не пришло в голову ничего другого, как обратиться в постыдное бегство. Когда они так бежали от страха и как бы потеряли рассудок, римляне их беспощадно избивали и две тысячи из них убили, а уцелевшие рассеялись по разным местам. Так Феодор совершенно усмирил весь народ, сообщил императору о случившемся и запросил, что он желает постановить о них. Тот приказал наложить на них определенную ежегодную дань, которую они платили бы в дальнейшем, чтобы они таким образом понимали, что являются подданными и данниками и полностью подчинены. Итак, они все были переписаны, и бремя подати на них было наложено, и до настоящего дня они платят дань римлянам. Император Юстиниан гордился этим, как великим деянием. Поэтому, перечисляя другие победы в одной из своих конституций, которые мы называем новеллами, одной из первых упоминает победу над этим народом.

Заносчивость цаннов получила такой конец и Феодор через страну лазов возвратился к стратигам.

3. Немного раньше этого в Византии было сильное землетрясение, так что едва весь город [Константинополь] не был повержен и разрушен. Было оно и само по себе величайшим и такого, полагали, никогда не было раньше по силе толчков и продолжительности колебания. Еще более страшным его сделали время и обстоятельства, при которых оно случилось. Ибо тогда уже кончилась осень этого года, совершались новогодние пиршества по римским обычаям. Наступила стужа, как это естественно, когда произошел зимний солнцеворот, и солнце вошло в созвездие Козерога и в особенности в восьмой пояс от Эвксинского понта, как определяется знатоками. Тогда в среднюю стражу ночи[64], когда горожане предавались сну и покою, внезапно на них обрушилось это бедствие. Все тотчас же было потрясено до самых оснований. Толчки, хотя и вначале достигавшие большой силы, все нарастали и нарастали, как бы равномерным увеличением направляясь к высшей точке. Когда таким образом все пробудились от сна, со всех сторон слышался плач, и вой, и мольба, обычно в таких случаях обращенная к богу. Равным образом какой-то глухой и страшный звук, как бы земной гром, посылался землей, сопровождая землетрясение и удваивая страх. Прилегающий к земле воздух затемнился дымным облаком, неизвестно откуда поднявшимся, и был какой-то мрачный и бурный. Люди, бывшие вне себя от страха и не знающие, что делать, выбегали из своих домов. И тотчас улицы и узкие проходы наполнились народом, как будто бы там они не могли

погибнуть, если бы так случилось. Ибо всюду постройки (расположены) непрерывно и связаны между собою и весьма редко можно видеть постройку, находящуюся на открытом месте, свободную и совершенно не связанную с соседней. Направляя свои взоры ввысь, взирая на небо и так умиловывая бога, [люди] понемногу, казалось, уменьшали свой страх и душевное смятение, но страдали от падающего небольшого снега и были мучимы холодом. И однако и в таком положении не входили под кровлю, разве только некоторые убегали в церковные святилища и преклонялись там. Многие женщины не плебейского сословия, но даже знатные, бежали вместе с мужчинами. Всякий порядок и почтение, преимущества и уважение к старцам по возрасту, которым они превосходили других, были потеряны. Даже рабы, пренебрегая своими господами, не повинуюсь приказаниям, убегали в священные места, поддаваясь большому страху. Плебеи оказались в равном положении с архонтами ввиду нависшей общей опасности, - ожидания всеми скорой гибели. Многие дома в эту ночь были разрушены и особенно в Регию, приморской части города. Случились многие невероятные чудеса. В некоторых местах части кровли, сделанные из камня или дерева, разрывались, так что можно было видеть небо и звезды, как на открытом месте, а затем немедленно соединялись в прежнюю связь; в некоторых местах колонны, водруженные в верхней части домов, свергались силой удара и, перескочив ближайшие, неслись с высоты на более отдаленные дома, наподобие пращи, и все сокрушали. Кое-где происходили еще более страшные вещи, которые, конечно, и раньше случались и которые будут происходить и в дальнейшем, пока стоит земля и имеют место явления природы, но тогда в наибольшей степени все вместе совпало. Много людей погибло из толпы и неизвестных. Из динатов и записанных в сенаторское сословие погиб один Анатолий, человек, почтенный консульским достоинством, который раньше нес заботы об императорских дворцах и управлял дворцовыми имуществами. Римляне называют их кураторами. Случилось, что, когда этот Анатолий спал в своей опочивальне, мраморная фигура из тех, которые были вделаны в стены вблизи его ложа и которые в большом количестве обычно употребляются для украшения стен ради показа великолепия [людьми] сверх меры услаждающимися этими излишними, отнюдь не необходимыми украшениями, оторванная силой сотрясения, обрушилась на его голову и разбила ее. А он пережил этот удар ровно столько времени, чтобы издать глухой стон, и пал за смертью на свое ложе.

4. Когда наступил день, с великою радостью смотрели друг на друга встретившиеся друзья и родственники, обнимаясь с плачем, целуясь, одновременно радуясь и не веря {тому, что они спаслись}. Когда же несли и погребали Анатолия, люди из народа повсеместно говорили, что он наказан поистине справедливо, что он был самым несправедливым человеком и у многих своих близких отнял их собственность, что к этому концу привели его каменные доски с судебными постановлениями и пурпу-

ровые флаги, которые он неоднократно накладывал на имущества богатых, добиваясь благоволения императора, и таким образом все присваивая себе, насилуял и бесстыдно нарушал волю умирающих, совершенно игнорируя законы, которые требуют, чтобы дети наследовали имущество своих родителей. Об этом шептали в толпе и, казалось, причина случившегося вполне обнаружена. Я же в этих делах сильно сомневаюсь и не могу утверждать, каким образом они происходят. Конечно, землетрясение было бы желанным приобретением и достойным большой похвалы, если бы могло отделить худых от добрых, и одних губило бы злой смертью, а других щадило бы и к ним снисходило. Допустим, что он действительно был несправедлив, но были и другие очень многие в городе ему подобные, даже более несправедливые, а между тем внезапно был похищен смертью он, а они остались не наказанными. Поэтому неясно и нелегко понять, почему умер из всех один Анатолий, когда даже по учению Платона более жалкими и несчастными являются те, которые после весьма дурной жизни, не искупив наказаниями грехов в этой жизни, или насильственной смертью, или каким-либо другим образом уходят из нее как рабы, заклеянные клеймом преступлений, прежде чем [преступления] будут искуплены. Так что, если принять это положение, более счастлив пострадавший, чем спасенные. Но весьма желательно, чтобы это учение было внедрено в души людей. Быть может, некоторые нечестные люди, боясь погибнуть злою смертью, возвратятся к справедливости. Во всяком случае, вполне очевидно, что если кто будет жить очень долго и будет жить беззаботно и счастливо, то этого не будет достаточно для подтверждения его справедливости; и если кто умрет даже жестокой смертью, то это не будет прочным доказательством его крайней несправедливости. Но самым истинным образом мы узнаем, каково воздаяние и награда за эту жизнь, когда придем туда.

Итак, пусть говорят об этом одни одно, другие другое. Я же возвращаюсь к прерванному рассказу.

5. После этого и в дальнейшем в течение весьма многих дней происходило сотрясение земли, не сильное и не такое, как вначале, но достаточное, чтобы разрушить сохранявшееся. Тотчас в народе появились разные безумные предзнаменования и предсказания, что немедленно должен погибнуть и весь мир.

Различные обманщики и как бы добровольные прорицатели блуждали, предсказывая что ни заблагорассудилось, и еще более устрашали толпу, легко восприимчивую вследствие уже перенесенного ужаса. Они же, искусно притворяясь безумными и одержимыми демоном, предвещали еще более страшное, как научившиеся предсказывать будущее на основании происходящих событий и неумеренно хвастаясь этим своим свойством. Другие же, наблюдая звезды в их движение, истолковывали их и предсказывали большие несчастья и чуть ли не общую гибель всего существующего. Обычно в трудные времена

всегда появляется множество таких людей. Но каждое подобное предсказание было вредно для общественного блага. По-моему, следовало бы привлекать за нечестие подобных толкователей снов, не оставляющих для бога никакого более глубокого знания будущего. Однако никого не было в то время, кто бы не был сильно охвачен страхом и смятением. Поэтому ежедневно давались обеты и совершались моления, причем все собирались в одно место. И то, что на словах легко восхвалялось, а делами редко подкреплялось, тогда делалось с большой готовностью. Все вообще стали справедливыми во взаимных обязательствах. Начальники, отказавшись от наживы, судили по законам и прочие динаты, живя скромно и тихо, придерживались правды и справедливости и воздерживались от позорных деяний. Некоторые же, совершенно изменив образ жизни, избрали одинокую жизнь, уединились в горах, отказавшись и распроставшись с богатствами, чинами и всем, что людям наиболее дорого. Весьма многочисленные пожертвования делались храмам, а по ночам наиболее богатые граждане, обходя площади, одаряли обильным питанием и одеждой бедных и находящихся в самом жалком состоянии изувеченных людей, которые в большом количестве валялись на земле, выпрашивая подаяние. Все это имело место в течение некоторого времени, пока страх был еще свеж и силен.

Но как только бедствие ослабело и прекратилось, тотчас большинство возвратилось к привычному. Такое движение может быть названо не истинной справедливостью и благочестием, одинаково прочным и действенным, которое обычно создается правой верой и постоянным усилием, но какой-то беспорядочной уловкой и весьма ненадежным торгом для обмана и чтобы избежать настоящей беды.

Таким образом, добрыми делами мы пользуемся только по необходимости, пока давит страх.

6. Снова в это время выставлялись и отбрасывались многие учения об испарениях и часто упоминали Стагирита[65] на собраниях, одни, утверждая, что он весьма правильно учил о землетрясениях и установил их причины, другие, - что он совершенно расходился с истиной. Некоторые, желая подкрепить его учение, что дымные и тяжелые испарения, скопляющиеся в недрах земли, вызывают подобные толчки, в подкрепление этого учения выдвинули прежнее изобретение Анфимия. Отчеством ему являлся город Траллы, специальностью - изобретение машин для механиков, которые, переводя линейный рисунок на материал, фабрикуют некие подражания и изображения существующих вещей. Он был лучшим в этом искусстве и дошел до вершин математических наук, так же как брат его, Митродор, в так называемых грамматических и я бы назвал счастливой их мать, производящую на свет потомство, преисполненное такой разнообразной учености; ибо она породила этих двух мужей и Олимпия, прославленного знанием законов и опытностью в ведении судебных дел, и, кроме того, Диоскора и

Александра, обоих опытнейших во врачебном искусстве, из которых один жил в отечестве и дал прекрасные доказательства своего искусства, другой жил в древнем Риме, приглашенный туда с большим почетом. Когда молва о Митродоре и Анфимии распространилась повсеместно, она дошла до самого императора. Поэтому они пришли по приглашению в Византию и провели здесь остальную часть жизни, причем каждый из них оставил величайшие доказательства своего искусства. Один из них обучил многих юношей из знати и приобщил их к прекраснейшей из наук, так что внушил всем, насколько мог, стремление и любовь к наукам и красноречию. Другой воздвиг удивительные строения как в столице, так и повсеместно, которые, думаю, если бы о них и ничего не говорили или не писали, пока они стоят и сохраняются, сами по себе достаточны, чтобы снискать ему бессмертную славу.

Я сейчас скажу, почему упомянул об этом муже. Есть в Византии некий человек, по имени Зинов, записанный в списки риторов, чрезвычайно красноречивый и большой любимец императора. Жил он по соседству с Анфимием, так что, казалось, они обитают в одном жилище и заключены в одних пределах. С течением времени у них возникли споры и раздоры или вследствие вида [постройки], необычного раньше, или вследствие новой, неумеренно поднятой в высоту и загораживающей свет, или из-за чего другого, так как естественно, что у слишком близко друг от друга живущих возникают споры.

7. Тогда Анфимий был побежден противником-обвинителем, так как не в состоянии был противопоставить одинаковое ораторское искусство. Но он в свою очередь поразил его своим искусством следующим образом. Зинов приобрел отличный дом, очень обширный и красивый, изысканно изукрашенный, в котором он и сам обыкновенно пребывал и угощал друзей. Нижние помещения были с одной стороны близки к дому Анфимия, так что общая крыша соединяла потолок одного и часть постройки другого. Здесь, в различных частях помещения он разместил много сосудов, наполненных водой, обтянул кожаными крышками, снизу широкими, чтобы охватить сосуды, затем они суживались наподобие труб, прикрепил концы их к доскам и балкам и тщательно закрыл все отверстия, так что весь пар, сколько его содержалось в кожах, не улетучиваясь и не проходя наружу, свободно поступал вверх, поднимаясь по полым трубам, пока не достигал крыши. Приготовив все это скрытным образом, он подложил сильный огонь под основание сосудов и развел сильный пламя. Тотчас из кипящей воды поднялся вверх пар, сильный и одновременно густой. Так как он не имел возможности распространиться, то он несся по трубам и, сжатый теснотой, с большой силой стремился вверх, пока непрерывным потоком не ударился о крышу и всю ее сотрясал и приводил в движение, так что бревна сильно тряслись и скрипели. Бывшие у Зинона были охвачены страхом и ужасом и высыпали на площадь, пораженные бедствием, стеля и призывая на помощь. Он же

отправившись в императорскую резиденцию, спрашивал знакомых, как у них произошло землетрясение и какой они потерпели убыток. Когда же они отвечали: «Говори добрые слова, друг», и «прочь», и «пусть никогда этого не будет», и к тому же еще гневались на него, как болтающего такие несуразные с дурным предзнаменованием слова, он не знал, что и подумать. Он не мог отнять у самого себя веры в то, что, как он знал, недавно с ним случилось, и в то же время стыдился дольше спорить со столькими людьми, притом его так порицавшими.

8. Этими аргументами, главным образом, пользовались утверждающие, что испарения и выделения пара порождают землетрясения. Они говорили: «Так как этот изобретатель машин знал причины, отчего бывает сотрясение земли, то он и произвел подобное и своим искусством подражал природе». Они, вероятно, говорили не все, что думали. Мне все же это кажется вероятным и остроумно изобретенным, но отнюдь не представляется достаточным доказательством того, что так происходит в природе. Из того, что эти «мелитенские собачки», взбегая на крышу, двигают и сотрясают ее и это делают при легчайшем подъеме, никто не может вывести заключение, что это сходно с явлениями природы, и пользоваться этим, как достаточным аргументом. Однако эти шуточные изобретения отнюдь не должны рассматриваться как ничтожные и непристойные. Что касается происшествий в природе, то нужно (если только нужно) искать другие причины. И не только это Анфимий устроил Зиному, но одновременно бросил гром и молнию в его жилище. Он отполировывал диск, приготовленный наподобие зеркала, немного вогнутой, противопоставленный лучам солнца, и различными способами направлял на дом Зинова сильный свет так, что тот ослеплял взоры всех, на кого попадал и заставлял щуриться. Кроме того, конгломератом различных звучащих предметов, приводимых в движение, он производил сильный гул, напоминающий гром, способный привести всех в ужас, так что Зинов, когда с трудом, наконец, понял откуда все это происходит, бросился прямо к ногам императора и обвинял соседа, как злого и преступного человека. Вне себя от гнева он высказал и нечто похвальное для того. Так, подражая поэтическим изречениям, он вскричал в сенате, как бы с иронией, и насмешкой, что он - простой человек, и ему не по плечу бороться одновременно с Юпитером, пускающим громы и молнии, и с Нептуном, потрясающим землю. Прекрасны, конечно, эти проявления искусства, даже если они представляют забавы. Нет, однако, необходимости, чтобы природа следовала за ними и равнялась по ним. Но пусть каждый держится об этом такого мнения, какого желает. Мне же нужно вернуться к прерванному рассказу

9. В таком положении оказался в эту зиму город [Константинополь], а жителям еще многие дни представлялось, что почва сотрясается, и это тогда, когда сотрясение уже прекратилось и установилось спокойствие. Внедрилось в души людей это бедствие и подозрение со-

хранилось, затемняя рассудок. А император старался восстановить многие дома, некоторые из которых оказались поврежденными и потерявшими устойчивость, а другие - совсем разрушенными. Особенно же он заботился о величайшем храме божием. Когда он был раньше сожжен народом, он восстановил его совершенно заново от самого основания и создал весьма замечательный и удивительный, отличающийся громадными размерами, красотой формы и разнообразием металлов. Построил его из жженого кирпича и извести, повсеместно соединив железными скобами и совершенно не пользуясь деревом, чтобы он не загорелся легко. Именно Анфимий, о котором я упоминал раньше, составил план для всего сооружения и его выполнил. Тогда император восстановил снова среднюю, самую высокую часть купола, обрушившуюся от землетрясения, [сделав] ее более прочной и подняв на большую высоту. Анфимия тогда уже не было в живых. Молодой же Исидор и другие техники, рассмотрев сами прежнюю форму и сличив с сохранившимся и поврежденным, и изучив, каково было [повреждение] и в чем причина падения, восточную и западную апсиду оставили в прежнем состоянии на месте, северную же и южную над сводами протянули внутрь и несколько расширили, чтобы они более гармонично соответствовали другим, и вместе представляли форму равностороннюю. Таким образом была сокращена чрезмерная обширность пустого пространства и прикрыта некоторая часть пространства, поскольку была создана форма иного вида. Итак, ими был создан возвышающийся в центре или круг, или полушарие, или фигура, называемая другим именем. И [купол] сделан был тогда действительно более прямым, легко обозреваемым, геометрически круглым, несколько, правда, более тесным и сдавленным, который не так прельщал красотой зрителей, как раньше, но был гораздо более прочным. Итак, то, что следовало в истории сказать о храме и к чему пришла, развиваясь, сама последовательность рассказа, это мной достаточно подробно изложено. Восхвалять же в отдельности все то, что в нем достойно удивления, и показывать в своем изложении представляется излишним и не приличествует этой работе. Если же кто, быть может, проживающий вдали от столицы, пожелает отчетливо узнать все, как бы присутствуя и смотря, пусть прочитает то, что Павел, сын Кира Флора, описал в гекзаметрах. Он, состоя примыкирием императорских силенциариев,[66] украшенный славой своего рода и унаследовав от предков большое богатство, много уделял времени науке и красноречию и этим еще более прославлялся и украшался.

И он написал очень много и других поэтических произведений, достойных памяти и похвалы. Написанное же им о храме представляется мне сделанным с наибольшим старанием и искусством, поскольку и тема наиболее увлекательна. Ибо найдешь в нем полностью и гармонию целого, и тончайшим образом исследованную природу материалов, и изящество, и значение вестибюлей храма, и его величину, и высоту, и узнаешь, каковы изображения, помещенные в высоту, круглые и протянутые в

ширину. Из стихотворного описания также узнаешь, как недоступный для непосвященных алтарь украшен самым дорогим способом - сплавом золота и серебра. Отдельно описывается место, предназначенное для таинств, и какие там есть другие большие и малые украшения - не хуже, чем если бы кто в нем часто бывал и все рассмотрел лично. Итак, спустя немного времени было произведено второе исправление и восстановление этого храма.

10. В том же году с началом весны чума, которая никогда совершенно не прекращалась, снова обрушилась на город. Как я указал, в первый раз около пятого года правления Юстиниана она обрушилась на наш мир, потом часто перемещалась с одного места на другое и опустошая одни местности, другим давала как бы передышку. Теперь же опять возвратилась в Византию, как будто раньше чем-то обманутая и раньше времени ушедшая оттуда.

Итак, умирали многие внезапно, как будто пораженные сильной апоплексией. Те же, кто был наиболее вынослив, не переживали пятого дня. Течение болезни имело много сходства с предшествующей эпидемией. Горячки с нарывами были продолжительные, а не однодневные. Они нисколько не ослаблялись и прекращались только со смертью того, кого они захватили. У некоторых не было ни лихорадочного жара, ни другого заболевания, но, занятые обычным делом, и дома, и на площадях, принуждаемые необходимостью, они падали и быстро становились бездыханными, как бы нерадиво относясь к смерти. И поражался всякий возраст без различия, а в особенности люди цветущего возраста и молодые, среди них больше всего мужчины. Женщины далеко не терпели подобного. Древнейшие оракулы персов и искуснейшие в изучении небесных движений у персов говорят, что в бесконечном времени происходят смены периодов то добрых и счастливых, то несчастных и неблагоприятных, причем настоящий период признается одним из самых худых и имеющих дурное предзнаменование. Ибо теперь начинаются и усиливаются повсеместно войны и возмущения; в городах удерживаются в течение долгого времени и нарастают смертельные болезни. Другие же причиной гибели выставляют небесный гнев, который наказывает за грехи человеческого рода и уменьшает население. Мне же не подобает рассуждать об этих мнениях и определять более достоверное из них, потому что не знаю, а если бы и знал, то отнюдь не считал бы необходимым и соответствующим настоящему труду, а если я коротко упомянул о случившемся, то этим удовлетворил требование истории.

11. Когда это случилось, произошли в столице и другие события, наполнившие ее шумом и смятением, и не менее тягостные, чем те, о которых я рассказал. Я сейчас изложу, каковы они были, а раньше коротко упомяну о более раннем.

Народ гуннов некогда обитал вокруг той части Меотидского озера, которая обращена к востоку, и жил севернее реки Танаиса, как и другие варварские народы, которые обитали в Азии за Имейской горой. Все они назывались гуннами, или скифами. По племенам же в отдельности одни из них назывались котригурами, другие - утигурами, некоторые - ультизурами, прочие вуругундами. Спустя много столетий они перешли в Европу, или действительно ведомые оленем, как передает басня, или вследствие другой случайной причины, во всяком случае перешли каким-то образом Меотидское болото, которое раньше считалось непроходимым, и, распространившись по чужой территории, причинили ее обитателям величайшие бедствия своим неожиданным нападением.

Таким образом, изгнав прежних обитателей, они заняли их страну, но, кажется, в ней не очень долго прожили и, как говорится, погибли поголовно.

Ультизуры и вуругунды считались могущественными и были знамениты во времена императора Льва и живших в то время римлян. Мы же, живущие ныне, их не знаем и, думаю, никогда не узнаем или потому, что они, может быть, погибли, или же переселились в отдаленнейшие местности. Однако в тот год, когда моровая язва напала на город (Константинополь), некоторые племена гуннов оказались существующими и к тому же весьма страшными. Гунны все-таки спустились на юг и обитали недалеко от берегов Дуная, там, где им было это желательно. Когда наступила зима, река, как обычно, покрылась льдом и замерзла на такую глубину, что могла быть перейдена и пешими и конными войсками. Заберган, вождь гуннов, называемых котригурами, переведя значительное конное войско [по реке], как по суше, очень легко вступил на территорию Римской империи. Найдя тамошние местности лишенными обитателей, он без всяких препятствий проник внутрь [страны] и, быстро пройдя Мизию и Скифию, вторгся во Фракию. Там он разделил войско и одну часть его направил в Грецию, чтобы она произвела нападение на все незащищенные гарнизоны места и их опустошила. Другую же часть войска послал во Фракийский Херсонес.

12. Части Херсонеса, обращенные на восток, юго-восток и юг, протянулись вдоль Геллеспонта. Он обтекает его почти весь и тот почти окружается его изгибами, соединяясь с континентом только небольшим перешейком в 40 стадий, мешающим ему стать островом. Через этот перешеек проведена стена, доведенная с той и другой стороны до моря. Внутри за ней размещены Ародиада, Тескос и Киберис. В самом отдаленном от них пункте, у самого пролива и морских изгибов, расположен Сест, город, часто упоминаемый в поэзии и знаменитейший, думаю, не по какой другой причине, как только по причине светильника Сестской горы и любви и смерти Леандра.[67] Недалеко от него расположен и другой городок, незначительный, некрасивый и ничем не привлекательный, по имени Каллиполь. Окрестности его украша-

ют поля, гавани, обилие древесных зарослей и текучих вод. Земля хорошо орошаема и плодородна, изобилует продовольствием. Эти городки и обширную площадь ограждает стена, чтобы помешать проникновению туда врагов. Тогда Заберган, преисполненный надеждами, замыслил разрушить стену, проникнуть внутрь и подчинить себе даже море. Он строил мечты, что там у него будет множество кораблей, и что он отправится в Азию через очень узкий пролив, весьма удобный для переправы и не тревожимый сильными волнами, и что он тотчас же разорит Абидос и тамошнюю таможню, где взимают десятину. Охваченный такими безрассудными помыслами, он послал в Херсонес войско, достаточное для этого предприятия. Сам же с семьей тысячами устремился прямо на Константинополь, опустошая поля и покушаясь на города, везде внося хаос и замешательство. Настоящая причина похода была варварская несправедливость и страсть к обогащению. Предлогом же и прикрытием он выставил вражду против утигуров. Ибо некто по имени Сандилх, гунн, вождь этого племени, был другом римлян и их союзником. Поэтому император относился к нему с благоклонностью, почитал его и часто посылал ему подарки. Котригуры же, как обойденные и оскорбленные явным пренебрежением и очевидным презрением, решили предпринять этот поход, чтобы показать, что и они умеют внушать страх и достойны внимания, показать, что и они не спустят обидчику.

13. Так как никто им не выступил навстречу и не оказал сопротивления, то они опустошили страну, подвергнув ее жестокому разграблению, награбили большую добычу и захватили множество пленных. Жесточайшим образом похищались и многие благородные женщины и даже ведущие непорочную жизнь подвергались величайшему бедствию, становясь жертвой разнузданной страсти варваров. Некоторые еще с детства отказались от брака, мирских желаний и забот этой жизни, проживали в удаленных, посвященных божественному богослужению помещениях, вели с величайшим усердием уединенную жизнь, свободную, без всякого общения с мужчинами. Даже над этими, вырванными из священных убежищ, девами надругались враги, подвергая их позорному насилию. Многие же другие не отказывались от общения с мужчинами и были захвачены беременными, когда уже настала необходимость родить, рожали детей в дороге на открытом месте, не имея возможности даже прикрыть стыдливость родов, ни обрядить, как подобало, и взять с собой новорожденного младенца, но их [матерей] тащили дальше в таком состоянии, причем им не позволялось даже, страшно оказать, скорбеть об этом. Несчастные же новорожденные бросались одинокими на растерзание собакам и плотоядным птицам, как будто они только для этого и были произведены на свет и напрасно познали начало своего бытия. К такому жалкому состоянию были приведены дела римлян, что даже в окрестностях столицы они терпели столь жестокие бедствия от варваров, к тому же весьма немногочисленных, но их дерзость не ограничилась даже этим. Пройдя дальше, они легко пре-

одолели длинные стены и подошли к укреплениям, расположенным внутри. Вследствие старости и заброшенности великое укрепление во многих местах рухнуло и распалось. Некоторые же части они сами разрушили, притом так легко и беззаботно, как будто разрушали жилые дома, так как не было никого, кто бы сопротивлялся им. Не было там никакого военного гарнизона, никаких орудий для отражения врагов. Не было и тех, кто использовал бы и привел в действие эти орудия. Не слышно было даже лая собак, а если и был, то не больше, чтобы не показать слишком смешное, как в свинарнях и овчарнях. В действительности римские войска были уже не таковы, как при древних императорах, но сведенные к ничтожной части, далеко не соответствовали величине государства. Ибо все римское войско должно было насчитывать шестьсот сорок пять тысяч вооруженных людей, а в то время оно едва составляло сто пятьдесят тысяч и из них одни были размещены в Италии, другие в Ливии, третьи в Испании, некоторые у колхов, в Александрии и Фивах египетских. Небольшая часть была расположена и на границах персов. Там не было нужды в больших силах, благодаря договорам и прочно установленному перемирию. Так нерадением властей многочисленные войска были сведены к незначительному количеству.

14. Император раньше покорил всю Италию и Ливию, провел успешно эти величайшие войны и первый, так сказать, среди всех царствовавших в Византии показал себя не на словах, а на деле римским императором. Но эти и подобные деяния были совершены, когда он был еще молод и полон сил. А теперь, в конце своей жизни, уже и состарившись, он, казалось, отказался от трудов и предпочитал скорее сталкивать врагов между собою, смягчать их, если необходимо, подарками и таким образом их кое-как сдерживать, чем доверяться самому себе и постоянно подвергаться опасностям. Поэтому он легко переносил ликвидацию легионов, как будто в них в дальнейшем совершенно не было нужды. Это нерадение охватило и тех, которые занимали вторые должности в управлении государством, на обязанности которых лежало обложение подданных налогами и снабжение войска необходимым. Они часто открыто обманывали [воинов], часто выплачивали содержание гораздо позднее, чем должно. Затем, эти люди, искушенные в обманном по отношению к народу крючкотворстве, пересматривали списки и требовали обратно уже выплаченное. Честь и достоинство их заключались в том, чтобы возводить на воинов одно обвинение за другим и отнимать у них пропитание, и, как будто в приливе и отливе вод, то же количество, которое было доставлено воинам из податей, не знаю каким способом, выливалось обратно и возвращалось, откуда пришло. Так пренебрегали защитниками и борцами, и те, теснимые нуждой, покидали военное поприще, в котором были воспитаны, и расходились по разным местам, избирая другой образ жизни. Большая часть средств, предназначенных для войска, разбрасывалась бесцельно женщинам, возницам цирка и людям мало пригодным для полезных дел, но зато преданным

удовольствиям, занимающимся с каким-то безумным усердием и дерзостью только внутренними смутами и цирковыми спорами и другим, еще более бесполезным, чем эти. А следствием этого было то, что вся Фракия и местности, прилегающие к столице, были лишены войск, беззащитны и поэтому были проходимы и легко доступны для варваров. И те дошли до такой наглости, что раскинули лагерь около селения Мелантиады, отстоящего от столицы не больше чем на 140 стадий. Его обтекает река Атирас, которая немного выше поворачивает на северо-восток и вливается в Пропонтиду, откуда и находящийся у побережья реки порт носит то же название. Когда враги, таким образом, появились в самой непосредственной близости, тотчас в Византии толпа горожан преисполнилась страхом и ужасом, и им грезилась ужасы, не только бывшие перед глазами, но и гораздо большие. Им мерещились осады, пожары, голод, разрушение стен. Поэтому по большим улицам часто можно было наблюдать беспричинное бегство, беспричинную панику и толкотню, как будто варвары уже ворвались внутрь. Сильное смятение подымалось в лавках при каждом сильном стуке. Скорбь и страх проникли не только в массы простых людей, но и распространились на всех должностных лиц. Полагаю, что и сам император ничуть не пренебрегал случившимся. Священные здания, находящиеся вне города на европейской стороне побережья, которое начинается с так называемых Влахерн и Золотого Рога и тянется до Эвксинского Понта, с его разрешения были лишены своих украшений. Те, кому это было поручено, унесли из них ценные предметы и весь прочий инвентарь, погрузив все на повозки, часть поместили внутри города, а часть, сложив в лодки и переправив через пролив, доставили на противоположный материк. И тогда в тех местах можно было видеть священные здания, лишенные своих украшений, как будто еще не освященные и недавно начавшиеся строиться.

15. Казались несомненными такие страшные и величайшие опасности, что на стенах, в Сикке и так называемых Золотых Воротах были действительно расставлены лохаги, таксиархи и многие воины, чтобы мужественно отражать врагов, если нападут. На самом деле, однако, они были небоеспособны и не были даже достаточно обучены военному делу, а были из тех воинских частей, которые назначались держать караулы днем и ночью, которых называют схолариями. Они назывались воинами и были записаны в военные списки, но большей частью были горожанами, блестяще одетыми, но подбирившимися только для увеличения достоинства и великолепия императора, когда тот выступал публично. Некогда в их число можно было принимать только тех, кто был опытен в военном деле. Поэтому они не платили никаких денег за включение в военные списки, но даром, без всяких издержек, удостоивались этой почести, полученной в награду за прежние подвиги.

Зинон же Исавр после возвращения к власти, кажется, первым зачислил в эти отряды многих своих сопле-

менников, доблесть которых никак не проявилась в сражениях или другим путем, но только известных ему и верных. А затем с этого времени было допущено и принято, что не только за труды и храбрость, проявленные в сражениях, как бы в виде награды зачислялись достойные, но и совершенно несведущие в военном деле [допускались] не по заслугам, а в виде милости. Когда, я говорю, началась такая практика, из этого, естественно, разлилось принятие даров [за зачисление] - обстоятельство, как кажется, более могущественное, чем все остальное, и, наконец, вакансии стали прямо продаваться, так что отнюдь нельзя было желающим зачисляться в это войско каким-нибудь другим образом, кроме уплаты определенного количества денег. А выполнив это, они немедленно зачислялись без испытания и причислялись к остальным воинам, даже если были совершенно несведущи в военном деле. При таком пренебрежении отбором, они, естественно, меньше всего принуждались к военным занятиям и как приобретшие покупную должность, тем более покупали свободу праздности. Эти-то люди, за недостатком опытных в военном деле расставленные по стенам, делали вид, что охраняли их. Уже много дней столица пребывала в таком смятении, и варвары не переставали опустошать все им попадавшееся. Тогда только полководец Велизарий, уже одряхлевший от старости, по приказанию императора посылается против них. Итак, он снова надевает уже давно снятый панцирь, а на голову шлем, и возвращается к привычкам, усвоенным им с детства, возвращает память о прошлом и призывает прежнюю бодрость духа и доблесть. Закончив эту последнюю в своей жизни войну, он приобрел не меньшую славу, чем тогда, когда одержал победы над вандалами и готами. Ужас настоящего и безнадежность будущего делали его деяние еще более значительным и блестящим, а победу более радостной. И я расскажу подробно, как все это произошло.

16. Выйдя на небольшое расстояние из города и разбив лагерь в местности деревни Хетта, он показал величайшую опытность и храбрость, значительно превышавшую его возраст. Он был уже стар и, естественно, весьма слаб, но отнюдь не казался подавленным трудами и не жалел нисколько своей жизни. За ним следовало не более 300 оплитов - сильных людей, потрудившихся с ним в боях, какие он вел на Западе. Прочая толпа была почти безоружна и необучена и по неопытности считала войну приятным занятием. Она собиралась скорее ради зрелища, чем ради сражения. Сбежалась к нему из окрестностей и толпа сельских жителей. Так как поля у них были опустошены врагами, то, не имея пристанища, они быстро собрались вокруг Велизария. Присоединив к своим силам толпы крестьян, он воспользовался ими умело, обнес лагерь широким рвом и часто посылал разведчиков, поручив им, насколько это было возможно, наблюдение за неприятельскими силами, определение их численности и собирание других сведений, которые удастся получить.

Так он проводил время, все узнавая и обдумывая. С наступлением же ночи он зажигал много костров, разбросанных на большом расстоянии по долине, чтобы враги, увидев их, считали по количеству зажженных огней римское войско очень многочисленным и испытывали пред ним страх. И они действительно так думали и, опасаясь его, оставались неподвижными. Впрочем, они все же не долго были обмануты этой воинской хитростью. Вскоре они узнали, что римское войско весьма немногочисленно и не способно к борьбе с ними.

Тем не менее, воины Велизария были настроены весьма бодро, презирали неприятеля, даже если бы он совершил нападение большими силами, в особенности полагаясь на свою воинскую доблесть и на то, что они - римляне и имеют громадный опыт в военном деле и перенесении величайших опасностей.

Велизарий, заметив их бодрость и [то], что они больше, чем следует, хвастаются прежними деяниями, а настоящие презирают, опасался, чтобы они не дали излишнего простора своим надеждам, которые незаметно увлекут их, куда пожелают, опасался, что они будут представлять слишком легкими трудности, с которыми столкнутся. Чтобы этого не случилось, собрав всех воедино, как будто уже угрожало сражение, выступив на середину, он сказал следующее:

17. «Не из страха, о мужи, и не из желания побудить вас к бодрости, как это обычно делается перед битвами, пришел я, а чтобы выступить с соответствующим словом. Я бы казался забывшим то, что мне известно по опыту, если бы перед римскими солдатами, испытанными в постоянных боях, которые разрушили, можно сказать, государства величайших народов, теперь бы стал выступать с какими-то увещаниями, призывая отбросить страх перед бродячими бандами и притом гуннами и котригурами. Но так как вижу в вас больше, чем подобает, высокомерия и самоуверенности, то счел я не бесполезным напомнить вам о вашей прежней скромности. Всякая чрезмерность должна быть избегаема разумными людьми, даже если она направлена к похвальной цели. Превозноситься в такой степени прежними подвигами и в дальнейшем себе обещать всегда такой же успех, значит изгонять благоразумие и склоняться к заносчивости. А тем, кто дойдет до такого безумия, что не допускает в душе никакой умеренности, даже если речь идет о почтении к божественному промыслу, нужно, однако, обратить внимание и на то, что хотя варвары воинской храбростью и доблестью далеко ниже нас, однако они превосходят нас числом. И если взвесим преимущества каждой стороны, то различие придет к равенству. Поэтому разве не позорно для нас, сражающихся в равных условиях, проявлять такое безрассудство и несдержанность и не считаться ни с временем, ни с порядком, ни с внезапными капризами судьбы? Никто, как полагаю, не победит врагов физической силой, если нет налицо разумного плана и обдуманности. Каким образом я, дошедший до такой седины, что по

старости уже не пригоден к военному делу, могу принимать участие в стычках и сражениях, если не буду поддерживаем правильностью своих решений и благоразумием? Поэтому, если помощь старости укрепляется разумным и направленным на должное решением и приводит к полезному, восполняя благоразумием недостатки возраста, то разве эти качества не будут тем более полезны вам, присоединяясь к юности и телесной силе? Несчастья, происходящие от какой-либо случайности или ошибки, могут быть исправлены правильным размышлением, которое помогает приспособляться к обстоятельствам и исправлять ошибки. Если же несчастье произойдет по ошибочности нашего замысла, благодаря тому, что мы взяли за дело менее обдуманно, чем надлежало, откуда, я спрашиваю, искать лекарства и спасения, если начало, порождающее обычно все остальное, нас обманывает? Но, быть может, кто-нибудь будет удивляться неожиданности моего выступления. В то время, как подобает возбуждать и укреплять вашу уверенность в себе и бодрость духа, я, наоборот, подрываю и уменьшаю их, навязываю вам обдумывание, страх и делаю надежды сомнительными».

18. Но мне то и приятно, и подает добрые надежды, что я иду в сражение с такими людьми, которых если смогу убедить немного умерить свой пыл, то, думаю, должен считаться искусным оратором. А каждый из вас пусть убедится в том, что всякие попытки и действия, лишённые благоразумия, не должны считаться храбростью, но дерзостью, безрассудством и нарушением долга. Поэтому душевная бодрость пусть остается у вас и расцветает еще больше, но умеренная и улучшенная рассудительностью и ограниченная пределами должного; чрезмерная же дерзость с сопровождающей ее заносчивостью пусть будет отброшена. Размышление и обдумывание, каким образом использовать настоящую обстановку, не влечет за собой страха и трусости, но достоинство и уверенность. А когда будет установлен полезный план, тогда, несомненно, последует разумное дерзновение, которое не безрассудно испытывает превратности судьбы, но закрепляется расчетом как несомненное. Но, вероятно, кто-нибудь на вас скажет, что не может благородная натура, разумно возбужденная и готовая на всякий подвиг, воздержаться от задуманного и принуждаться к спокойствию и хладнокровию, промедлению и обсуждению дольше, чем того требует обстановка, в особенности когда варвары так вызывающе надругаются над нами, грабя бесстыдно все, осмеливаясь даже угрожать самой столице. Дело обстоит именно таким образом и самым опытом подтверждается, что вы справедливо воспламенены гневом против врагов. Они неумеренно пользуются тем, что им было даровано раньше. Но я считал бы весьма легким для людей благоразумных отделить гнев от ярости, беспорядочности и необдуманного порыва в делах, которые нам предстоят, сохранить только величие духа и твердое намерение противостоять врагам. Из душевных же стремлений необходимо и должно держаться тех, которые чисто и искренне совпадают с честью и долгом. Теми же, которые стремятся и направляют к противоположному,

не всегда должно пользоваться, а только тогда, когда они приносят пользу. Я полагаю, вы не станете отрицать, что благоразумие есть чистое и неподдельное добро. В гневе порыв похвален: дерзость же должна быть избегаема, как невыгодная. Поэтому, избирая то, что в гневе является лучшим, и умеряя благоразумием то, что нам желательно выполнить, мы пойдем на врагов с уверенностью, так как нами ничего не упущено из должного. Нужно только, чтобы мы сознавали, что нам предстоит сражаться с людьми - варварами, которые привыкли нападать на манер разбойников и пользуясь тайными засадами, в открытом же сражении не очень испытаны и не приучены к стойкости в сражениях. Видя же теперь, что против них приготовлена упорная оборона и укрепления, и стены для отражения и защиты, они, вероятно, отбросят старую свою привычку и будут принуждены к тому, чтобы вступить с нами в регулярное сражение, подойти близко и сражаться врукопашную. К этому их побудит необходимость. Если вы будете разумно вести дело, соблюдая отечественные порядки и дисциплину, будете идти на бой обдуманно, то они узнают на самом деле, во сколько раз превосходит приобретенное нашим упражнением, волей и желанием сделанное на скорую руку и вынужденное.

19. Это сказал Велизарий. Римляне же, изменив свое настроение к лучшему, сохранили по-прежнему свою храбрость и вместе с тем приобрели больше осмотрительности, чем им присуще было, и меньше кичливости и преисполнились такой отвагой, соединенной со скромностью, что совершили такой подвиг, какой, говорят, сравнивая малое с великим, совершили в древности македоняне с Леонидом в Фермопилах, когда наступал Ксеркс. Но те погибли поголовно, прославившись только тем, что погибли не напрасно, но раньше убили многих персов. Бывшие же вместе с Велизарием римляне проявили спартанскую доблесть, обратив всех врагов в бегство, и весьма многих истребили, не понеся притом самих никаких потерь, заслуживающих упоминания. Ибо когда из варварского войска были выделены две тысячи как бы для того, чтобы без труда истребить противника, и разведчики объявили Велизария, что они немедленно явятся, он вывел против них свое войско, замаскировав его и искусно скрывая, насколько возможно, его малочисленность. Отобрав двести всадников, щитоносцев и копьеметателей, он поместил их в засаде с обеих сторон дороги там, где ожидал нападения врагов, приказав им немедленно броситься на врагов, метая копья, как только услышат сигнал, чтобы силой натиска те были сбиты в кучу и их многочисленность оказалась бы бесплодной, так чтобы они не могли расширить и раздвинуть свой строй, но были все опрокинуты друг на друга. Крестьянам же и лицам из гражданского сословия, пригодным к бою, которые следовали за ним, он приказал выступить с сильным криком и стуком оружия. С остальными же стал в центре, чтобы принять грудью натиск врага.

Когда варвары уже появились и, продвинувшись вперед, большая часть их попала в засаду, Велизарий с те-

ми, кто за ним следовал, быстро произвел сильнейший натиск на противостоящий ему вражеский строй. А крестьяне и прочая толпа криком и стуком кольев, которые они для этого несли с собой, прибавляли бодрости нападающим. По данному сигналу выскочили и сидевшие в засаде с той и другой стороны [дороги] и бросились против неприятеля. Поднялся крик и шум, больший, чем можно было ожидать от размера боевых операций.

Тогда враги, поражаемые со всех сторон дротиками, опрокинутые друг на друга, сдавленные теснотой, как это предусмотрел Велизарий, не могли сражаться и обороняться. Они не могли ни удобно стрелять из лука, ни метать копьё. Всадники не могли ни руководить вылазкой, ни окружать неприятельские фаланги. Казалось, что они окружены и замкнуты в круг многочисленным войском. Ибо и находящиеся сзади с большим шумом и криком теснили их, возбуждая страх, а поднимающаяся вверх пыль мешала установить численность нападающих. Велизарий первым перебил и обратил в бегство многих противников, а затем, когда и остальные напали со всех сторон, варвары, повернув назад, обратились в беспорядочное бегство, не оставив позади себя никакого арьергарда, а быстро убежали, куда кому заблагорассудится. Римляне же преследовали их, оставаясь в строю, и весьма легко истребляли отставших. Произошло большое избиение убегающих в беспорядке варваров. Они и поводя лошадей бросили, и частыми ударами бичей ускоряли их бег. От страха их покинуло даже то искусство, которым они привыкли гордиться. Обычно эти варвары, быстро убегая, поражают преследующих, поворачиваясь назад и стреляя в них. Тогда стрелы сильно поражают намеченную цель, так как с большой силой посылаются в преследующих, а те, устремляясь с противоположной стороны, натываются на стрелы, причиняя себе большие ранения своим разбегом и ударом стрелы с самого близкого расстояния.

20. Но в то время все казалось гуннам безнадежным и им не приходил в голову какой-нибудь способ отражения врага. Из них было убито около 400 [человек]; из римлян никого, немногие были только ранены. С трудом и хан гуннов Заберган, и бывшие с ним добрались, к своей радости, до стоянки. Римские лошади, утомленные преследованием, явились главной причиной спасения гуннов. Иначе они были бы перебиты в тот день поголовно. Когда в большом беспорядке гунны ворвались в свою стоянку, то привели этим в замешательство все остальное войско, как будто ему угрожала неизбежная гибель. Слышался сильный вой варваров: они резали себе даже щеки ножами, выражая тем, по обычаю, свою горесть. Римляне же с Велизарием возвратились к своим, закончив дело успешнее, чем надеялись, причем успешный исход дела зависел от мудрости вождя. Варвары же после поражения тотчас снялись с лагеря и начали поспешно отступать из Мелантиады. Велизарий, хотя, несомненно, и мог нанести им больший удар и даже добить их, преследуя людей, уже охваченных паникой, так как их от-

ступление напоминало бегство, тем не менее тотчас же после победы возвратился в столицу, и не по своему желанию, а по приказанию императора. Когда распространилась весть об этой победе и весь народ воспевал его и превозносил на собраниях всеми похвалами, как спасенный им самым очевидным образом, то это уязвило и оскорбило многих из начальствующих, охваченных завистью и враждой - этими ужасными пороками, всегда уничтожающими самое лучшее. Поэтому они клеветали на этого мужа, обвиняя его в заносчивости и в том, что он добивается популярности толпы и имеет в виду другие надежды. По этим причинам очень скоро [дело] дошло до того, что он не был увенчан полной славой и не был удостоен должного почета за свои славные деяния. Вся слава победы у него каким-то образом выскользнула из рук, осталась без награды, навсегда преданная молчанию. Уже древними мудрецами было показано и доказано, какой ущерб наносится государству, когда ослабляется предприимчивость лучших умов, когда они не получают похвалы и должного почета, когда недооценивается и пренебрегается [все выдающееся], будь то воинские подвиги или литературные дарования, или что-либо другое имеющее величайшее значение. И каждый легко может убедиться в этом из ежедневных фактов. Гунны же вначале опасались преследования и в большом беспорядке выбрались за так называемые длинные стены. Когда же они узнали, что Велизарий отозван и никто другой их не преследует, то отступали уже медленнее.

21. Между тем, другая часть варварского войска, направленная к Херсонесу, часто нападала на стены, двигая лестницы и другие осадные орудия, но постоянно была отбиваема находящимися внутри римлянами, оказывающими ожесточенное сопротивление. Возглавлял их Герман, сын Дорофея, еще совсем юноша, едва достигший возмужалости, но отличающийся военачальническим духом, и приобретший опыт, далеко превышающий его возраст. Он родился в иллирийском городе, называемом некогда Бедериана, а затем названный Первой Юстинианой. Император Юстиниан, появившийся в нем на свет, естественно, украсил родной город разными сооружениями и из неизвестного сделал его счастливым и дал ему собственное имя. Происходивший из этого города Герман был ему весьма дорог. Когда [Герману] было восемь лет от рождения, Юстиниан привез его в столицу и окружил величайшими заботами, так как тот посещал и школы грамматиков, и другие училища, приобрел и латинское образование. Когда же достиг возмужалости, тотчас послали его в Херсонес начальствовать над расквартированными там войсками, чтобы у него порывы и подвижность юности и стремление к славе с самого начала реализовались в достойных, соответствующих и общественно необходимых делах, а не направлялись на нелепые порывы, волнения димов и конские ристания, различаемые цветами, куда большей частью направляется юношество и там развращается, если не будет занято каким-либо более полезным делом.

Когда в это время гунны осаждали и беспокоили Херсонес, этот юноша неустанно работал над отражением их нападений и изобретал всякие способы для отражения врага. И сам он по своим природным способностям очень удачно находил полезное и очень легко внимая совету находящихся при нем испытанных в боях воинов, подсказывающих ему то, что нужно было делать. Когда у варваров уже ничего не оставалось, чтобы они могли предпринять как для осады, так и для штурма стен, они решили испытать еще один способ - смелый, безрассудный, полный опасности, и, таким образом, или быстрее овладеть местностью, или же отказаться от дальнейших попыток и возвратиться к своим. Они собрали огромное количество тростника, самого длинного, крепкого и широкого и, окропив стебли и увязав их веревками и шерстью, изготовили множество плотов. Сверху поперек они наложили прямые деревянные бревна, как скамьи для гребцов, но не везде, а только по краям и по середине. Скрепив их самыми крепкими узлами, они соединили и связали между собой как можно прочнее так, чтобы три или четыре образовали один плот, имеющий достаточное пространство для помещения четырех гребцов, и чтобы они способны были выдержать тяжесть помещенного там груза и не затонули вследствие недостаточной величины. Таким образом они построили не менее 150 плотов. Чтобы увеличить их плавучесть, передние их части немного округлили и загнули назад наподобие носа, и, подражая бортам корабля и парапетам, они приладили с каждой стороны колки для весел и устроили нечто вроде передней и задней частей корабля, где не было весел и скамеек для гребцов.

22. Все это, насколько было возможно, они устроили основательным образом, а затем скрытно спустили в море, около западного берега залива, который весь поворачивает к городу Эпосу. На эти плоты взойшло 600 воинов, на тростниковые основы набросали как можно больше соломы и, неумело гребя, далеко отделились от земли, весьма хорошо вооруженные и готовые к бою. Они надеялись, незаметно выплыв в море, легко преодолеть пространство, обогнуть край стены, протянутой до моря, и в дальнейшем уже безбоязненно добраться до внутреннего пространства, не защищенного ничем, кроме Геллеспонта. Когда Герман узнал через разведчиков, что этот тростниковый флот скоро появится, он посмеялся, естественно, над безрассудством врагов, но очень обрадовался, так как это могло ему принести несомненную пользу. Тотчас же двадцать легких кораблей с многочисленными веслами, с двойной кормой он наполнил воинами, одетыми в панцири, со щитами и луками, вооруженных крюками, посадил на них гребцов и рулевых и скрыл их за мысом, выдвигающимся в море, поместив их в засаде, чтобы они не могли быть замечены издали. А когда варвары прошли и обогнули выдающуюся в море и прилегающую к морскому берегу часть стены, повернули внутрь и быстро устремились вперед с большой самоуверенностью, тогда и римские суда были спущены и двинулись им навстречу и, так как течение им способствовало,

при быстром движении они носами обрушились с большой силой на камышовые плоты, а те, отброшенные большой силой течения назад, носились и крутились по волнам, так что гребцы не могли на них удержаться.

Многие, выброшенные в волны, погибли; другие же, по необходимости оставшиеся на них, не знали, что предпринять. Те, кто удерживался на них, были чрезвычайно тревожимы силой морского течения, которое было умеренно и невелико для судов и лодок, но было чрезвычайно сильно для тростниковых плотов вследствие их легкости. Когда волны поднимались высоко, они взлетали с ними, когда же они опускались, то и они вместе с ними увлекались вниз. Поэтому люди на них даже не пытались сражаться, а только старались удержаться и устоять. Когда варвары находились в таком критическом положении, римляне использовали это благоприятное обстоятельство, нападая и наскакывая на неприятелей как в морском сражении. Таким образом они сбросили многих врагов в море, сами прочно удерживаясь в своих судах, многих избили, поражая врукопашную мечами. Когда плоты от них отделились, тогда нападали на них с длинными копьями, рассекая по очереди носами и гарпунами все связи, соединяющие тростник, и распуская все соединения. Как только связи тростника рассекались, он беспорядочно разбрасывался морем, плавая по разным направлениям. Гунны же, лишаясь дна в своих суденышках, во множестве погружались в бездну и погибали от непривычной стихии. Так они погибли все. Никто из них не возвратился на землю.

23. Римляне, тотчас же собрав оружие врагов, какое еще плавало на поверхности, и, возвратившись на прежнее место, доставили всему войску величайшее наслаждение и радость, празднуя счастливый успех. Поэтому все, собравшись вместе, решили использовать для дальнейшего благоприятную перспективу этого успеха. Спустя немного дней, с оружием в руках они произвели внезапную вылазку за стены и напали на остальную толпу варваров, огорченную и подавленную недавним поражением. Тогда Герман, как юноша, который не мог еще вполне владеть собой и обуздывать порывы своей природы, охваченный сверх меры жаждой славы и героизма, не заботясь о благоразумии и безопасности, неустрашимо напал на неприятелей и подвергнулся опасности, сражаясь как рядовой солдат, а не как полководец, воодушевляя и приказывая, так что был ранен стрелой в бедро, и немногого доставало, чтобы он был вынужден удалиться из боя. Но требование момента и значение предпринятого им дела заставили его преодолеть боль, и он только тогда прекратил и сам сражаться, и воодушевлять других, когда причинил врагу громадный урон и перебил многих из них. Тогда только закончилась битва и римляне возвратились в свои укрепления, не считая ни разумным, ни безопасным надолго затягивать рукопашное сражение с врагом, сильно уступая ему в численности. Варвары тем не менее были приведены в такое замешательство - частью видом обломков своих судов, бросаемых волнами, частью

неожиданной вылазкой, произведенной римлянами, что в тот же день очистили местность, прилегающую к Херсонесу, и присоединились к Забергану и его войску, побежденные к побежденным. Те же, которые раньше были посланы в Грецию, также не совершили почти ничего достойного упоминания, не только не произведя нападения на Истм, но даже не смогли перейти Фермопилы, так как их занимал римский гарнизон. Поэтому и они отступили и направились во Фракию, чтобы здесь присоединиться к своим соотечественникам и вместе возвратиться домой. Тем не менее Заберган и его войско похвалялись, что они уйдут только тогда, когда получат от римлян такое же количество золота, как и утигуры. Они грозили немедленно перебить пленных, если те в ближайшее время не будут выкуплены родственниками. Император послал им столько золота, сколько считал достаточным для выкупа пленных и для того, чтобы они мирно очистили территорию. Варвары действительно возвратили как многих других, так и стратига Сергия, сына Вакха. Был захвачен даже он вследствие неблагоприятного стечения обстоятельств и находился среди пленных.

Так они с трудом прекратили свой грабеж и направились домой, соединившись немного спустя с пришедшими из Греции.

24. Столичным жителям такое соглашение казалось низким, позорным и недостойным свободных людей. В особенности казалось нетерпимым то, что враги, подойдя так близко к столичному городу и насмеявшись над ним, не только не были истреблены поголовно, но даже унесли с собой золото, как благодарственный дар, как будто мы сами провинились. Замысел же императора предусматривал нечто большее, как показали события, развернувшиеся немного позднее, так что обвинявшие его раньше потом осыпали похвалами, удивлялись ему, как самому предусмотрительному и сообразительному [правителю]. Ибо он решил всеми способами добиться того, чтобы поссорить и столкнуть врагов между собою, чтобы они уничтожили друг друга. Чтобы это скорее произошло, пока Заберган совершал медленный путь со своими, он послал письмо к Сандилху, другому гуннскому вождю, своему федерату и наемнику. Содержание его было следующее: «Если ты, зная замысел котригуров, сознательно бездействовал, то я, естественно, по справедливости удивляюсь как твоему вероломству, так и самому себе за то, что недостаточно распознал твои замыслы и ошибся в суждении о тебе. Если же ты действительно до настоящего времени не знал, то это простиительно. Но ты нам докажешь свое незнание предшествующего единственно тем, что не будешь проявлять небрежности в дальнейшем. Ибо они пришли сюда не с тем намерением и целью, чтобы опустошить мои владения (хотя, быть может, это и было побочной задачей похода), но желая доказать на деле, что мы обманулись, пренебрегая ими, предпочтя довериться тебе, хотя они имеют преимущество и более храбры. Они считают нетерпимым, если кто-либо будет считать себя равным или со-

перником утигуров или только их немного превосходящим; с трудом соглашались на свое очень значительное превосходство над ними. Поэтому они прекратили опустошение Фракии только тогда, когда унесли золото, которое мы ежегодно обычно жаловали тебе в качестве субсидии. И нам легко было или совершенно их уничтожить, или по крайней мере отправить домой без удовлетворения их домогательств. Но мы допустили и то и другое, чтобы испытать тебя. Если ты человек разумный и действительно храбрее их и не уступишь похищающим твое добро, то хоть теперь не будь ниже себя. Теперь представляется благоприятная возможность заставить врага ответить и, одержав победу, получить причитающееся тебе вознаграждение, как бы доставленное тебе им самим. Если же ты предпочтешь спокойствие, получив такое оскорбление, из-за боязни, как полагаю, или будешь предаваться постыдному бездействию, то ты, добрый человек, будешь лишен субсидии. Мы ее будем давать ему и на дальнейшее отложи свои помыслы и научись уступать более храбрым. Да будет тебе известно, что договоры, заключенные с тобой и твоим народом, будут перезаключены с ним. Было бы безрассудством входить с побежденными в сообщество бесчестия, когда подобает сближаться с победителями».

25. Прочитав это письмо при помощи переводчика, Сандилх пришел в ярость и не мог сдержать своего гнева, но в тот же день бросился мстить котригурам за причиненное ему оскорбление. Да и каким образом заносчивая душа варвара, всегда стремящегося к наживе, могла равнодушно отнестись к таким словам? Подняв свое войско, он сначала внезапно напал на неприятельскую территорию, поразив неожиданностью нападения ее обитателей, и обратил в рабство большое количество захваченных им женщин и детей. А затем неожиданно встретил возвращающихся из Фракии и только перешедших Дунай и, перебив множество, отобрал все деньги и всю добычу. Те же, которым удалось ускользнуть, когда с трудом добрались до своих и присоединились к ним, вступили в войну с ним. И затем в течение долгого времени были заняты взаимной борьбой, усиливая вражду между собой. То делали набеги и захватывали добычу, то вступали в открытые бои, пока почти совершенно не уничтожили друг друга, подорвав свои силы и разорив себя. Они даже потеряли свое племенное имя. Гуннские племена дошли до такого бедствия, что если и сохранилась их часть, то, будучи рассеянной, она подчинена другим и называется их именами. Такую жестокую кару они понесли за прежнее свое вероломство.

Впрочем, окончательное крушение и гибель этих племен произошли позднее, и об этом мною будет рассказано в надлежащем месте ради соблюдения последовательности событий. Когда же борьба еще свирепствовала и о ней стало известно Византии, тогда только там узнали и громогласно объявили о благоразумии императора и правильности его решения. Когда варвары истребляли друг друга, он, сам не прибегнув к оружию, победил их только

своей мудростью при любом исходе борьбы и лишил их всякой надежды на будущее. Когда они страдали, поглощенные внутренними бедствиями, то, естественно, уже и не помышляли о походах против римлян, а большинство последних даже не знало, в какой земле они оказались.